

КАТЕГОРИЯ ЛИЦА-ЧИСЛА ГЛАГОЛА В ЯЗЫКЕ КИРОВСКИХ ПЕРМЯКОВ

С.А. Сажина,
старший научный сотрудник
ИЯЛИ КНЦ УРО РАН
sazinas@rambler.ru

Язык кировских пермяков, традиционно именуемый верхнекамским наречием коми-пермяцкого языка, представляет собой уникальную форму коми языка, развивавшуюся в определенных исторических и социальных условиях. Исследуемый идиом распространен в верховьях Камы, на территории Афанасьевского района Кировской области. Изолированность от основного этнического массива, сильное влияние окружающих русских говоров, отсутствие письменности и литературного языка способствовали формированию в нем целого ряда специфических особенностей.

Данная территориальная разновидность коми языка не являлась объектом специального синхронного научного исследования. Некоторые его особенности отражены в ряде научных статей: Г.А. Нечаева (Нечаев 1930), Е.Н. Федосеевой (Федосеева 2008, 2008а, 2010, 2015), автора настоящей статьи (Сажина 2014, 2014а, 2016, 2016а); обобщающем труде по коми-пермяцкой диалектологии Р.М. Баталовой (Баталова 1975: 221–223).

Нами был предпринят лингвистический анализ грамматических категорий глагола в языке кировских пермяков: выявлены изменения и их причины в образовании и дистрибуции членов грамматических категорий. Эмпирическую базу исследования составили языковые материалы диалектологических экспедиций автора в район проживания кировских пермяков в период с 2002 по 2012 гг. Теоретической основой для исследования верхнекамского глагола послужила работа Е.А. Цыпанова «Грамматические категории глагола в коми языке» (Цыпанов 2005). Исследователь выделяет шесть грамматических категорий коми глагола:

- 1) категория наклонения, через которую реализуется глагольная модальность;
- 2) категория лица-числа, формальными средствами которой выражается глагольная персональность;
- 3) категория времени, посредством которой выражается глагольная темпоральность;
- 4) категория залога, через которую реализуются глагольные диатезы;
- 5) категория способа глагольного действия, выражающая глагольную аспектуальность;

б) категория степеней действия глагола, формальными средствами которой выражается интенсивность/эффективность действия (Цыпанов 2005: 27).

Имеющийся лингвистический материал по языку кировских пермяков позволяет охарактеризовать пять грамматических категорий верхнекамского глагола: наклонения, лица-числа, времени, залога и способа глагольного действия. Категория степеней действия глагола не рассматривается, так как употребление с глаголами специальных формантов со значением степени проявления действия в исследуемом идиоме не зафиксировано. Интенсивность/эффективность действия выражается в нем синтаксически, посредством приглагольных наречий.

Предметом исследования в настоящей статье является базовая словоизменительная категория глагола – категория лица-числа, функциональным предназначением которой является выражение глагольной персональности. Данная категория в исследуемом идиоме представлена грамматическими формами 1-го, 2-го, 3-го лица единственного и множественного числа.

Система лично-числовых показателей верхнекамского глагола дана на примере глагола *мунны* ‘идти’ в трех синтетических временах в табл. 1. В таблице не приведены лично-числовые показатели во II прошедшем времени, так как имеющийся диалектный материал демонстрирует лишь формы 3-го лица единственного и множественного числа: ед. ч.: *мунöма* ‘он, оказывается, ушел’, *абы/абу мунöма* ‘он, оказывается, не ушел’; мн.ч. *‘мунöмас’ // мунöмös’* ‘они, оказывается, ушли’; *абы/абу мунöмös’ // абы/абу мунöмас’* ‘они, оказывается, не ушли’.

Таблица 1

Система лично-числовых показателей глагола верхнекамского наречия

Лицо/число		Время глагола		
		настоящее	I будущее	I прошедшее
1 лицо ед. ч	положит.	<i>муна</i>	<i>муна</i>	<i>муни</i>
	отрицат	<i>ог мун</i>	<i>ог мун</i>	<i>эг мун</i>
1 лицо мн. ч.	положит.	<i>мунам(ö)</i>	<i>мунам(ö)</i>	<i>муним(ö)</i>
	отрицат	<i>ог мунö</i>	<i>ог мунö</i>	<i>эг мунö</i>
2 лицо ед. ч.	положит.	<i>мунап</i>	<i>мунап</i>	<i>мунип</i>
	отрицат	<i>он мун</i>	<i>он мун</i>	<i>эн мун</i>
2 лицо мн. ч.	положит.	<i>мунапö</i>	<i>мунапö</i>	<i>мунипö</i>
	отрицат	<i>он мунö</i>	<i>он мунö</i>	<i>эн мунö</i>
3 лицо ед. ч.	положит.	<i>мунö</i>	<i>мунас</i>	<i>мунис</i>
	отрицат	<i>оз мун</i>	<i>оз мун</i>	<i>эз мун</i>
3 лицо мн. ч.	положит.	<i>мунöны</i> <i>мунöпö</i> <i>муныны</i>	<i>мунасö</i>	<i>мунисö</i>
	отрицат	<i>оз мунö</i>	<i>оз мунö</i>	<i>эз мунö</i>

Формы 1-го лица единственного и множественного числа, 3-го лица ед. числа в исследуемом нами идиоме представлены вполне стандартно, как и в других коми диалектах. Среди лично-числовых показателей верхнекамского глагола особый интерес вызывают положительные формы 2-го лица множественного числа в настоящем/будущем и I прошедшем временах, а также положительные формы 3 лица множественного числа настоящего времени.

Формы 2-го лица множественного числа. В верхнекамском наречии положительные формы 2-го лица множественного числа в настоящем/будущем и прошедшем временах образованы соответственно с помощью суффиксов *-анӧ*, *-инӧ*. Примеры: *мый дырна эиӧ о'ланӧ татӧн* 'как долго вы еще пробудете здесь?'; *ти йу'рбитанӧ?* 'вы молитесь?'; *кыз' нӧ шэ'динӧ таччӧ?* 'как вы попали сюда?'; *ы'лыс'-ӧ та'лун ло'ктинӧ?* 'издалека ли сегодня вы приехали?'

Идентичные формы обнаруживаем лишь в мысовско-лупьинском диалекте коми-пермяцкого языка: наст. вр. *гижанӧ* 'вы пишете', *кэранӧ* 'вы делаете'; прош. вр. *мунинӧ* 'вы ушли', *пыринӧ* 'вы зашли' (Баталова 1975: 183; Пономарева 2002: 133); во всех остальных коми-пермяцких диалектах рассматриваемые формы образуются посредством *т*-овых маркеров: *-атӧ* (наст. вр. *мунатӧ*), *-итӧ* (прош. вр. *мунитӧ*); в коми-зырянских – *-анньӧд/ -аныд*, *-инньӧд/ -иныд*.

По мнению Р.М. Баталовой, форманты *-анӧ*, *-инӧ* развились в результате влияния формы 2-го лица ед. числа *-ан*; *-ин* (Баталова 1982: 140). Л.Г. Пономарева, исследовавшая мысовско-лупьинский диалект, подвергает сомнению приведенное выше предположение по причине того, что изменения произошли именно в мысовско-лупьинском диалекте и не затронули другие коми-пермяцкие диалекты. Она полагает, что данные суффиксы в мысовско-лупьинском диалекте появились под влиянием соседних верхневычегодских говоров (ср. вв. *-аннид*, *-иннид*) (Пономарева 2002: 129). В.В. Понарядов данные суффиксы считает рефлексамии старых позднепрапермских форм (Понарядов 2002: 18).

Похожие формы с выпадением конечного *-д* бытуют в ряде среднесысольских говоров: *-аны*, *-анны* в настоящем и *-ины*, *-инны* в прошедшем времени: *Мый вис'таланы?* 'Что скажете?'; *Мый горзанны?* 'Что вы кричите?'; *Удзӧдиниы, эг уд'ит локныс* 'Обделили едой, не поспел вовремя?'; *мыйкӧ тай надзминны, зэл надзӧн кутинны мунны* 'что-то вы замедлили ход, совсем тихо стали идти' (Колегова, Бараксанов 1980: 49–51). Варианты *-аны* и *-ины* наиболее близки к верхнекамским и мысовско-лупьинским формам. Можно предположить, что верхнекамские глагольные суффиксы *-анӧ/ -инӧ* имели аналогичное среднесысольским развитие:

-анныд / -аныд > -анны / -аны > -анö;
-инныд / -иныд > -инны / -ины > -инö.

Переход ауслautного *ы* в *ö* мог быть обусловлен влиянием форм 1-го и 3-го лица множественного числа.

Формы 3-го лица множественного числа. В настоящем времени положительного спряжения данные формы представлены вариативными формами на *-öны*, *-önö* и *-ыны*, их употребление дифференцировано территориально (по говорам). Форманты *-önö* и *-ыны* развились из *-öны* в результате ассимилятивных процессов. Примеры: *Т'ийас динö ку'чыс'асö, круг ыжыд т'ёрны, йöктöны, пэс'н'айас с'ылöны* 'За руки возьмутся, делают большой хоровод, танцуют, песни поют'; *нö'шön нö'шалöнö л'он* 'колотушкой колотят лён'; *трубайасыс вот тай тшындöдöнö* 'трубы вот дымят'; *га'гйас вэглöнö* 'насекомые ползают'; *ö'ни вэд'уж по'лönö с'ö'кыда ту'ужа'лны* 'сейчас ведь боятся тяжелой работы'.

Если форма на *-önö* встречается и в других коми диалектах (лл, нв., южн. кп), то вариант *-ыны* не представлен более ни в одном из них. Он зафиксирован в южных говорах верхнекамского наречия (дер. Першино. Порошино, Меркучи, Карасюрово) и является новообразованием, развившимся вследствие регрессивной ассимиляции. Примеры: *муныны пэ'с'н'айасön, гармошка бос'тасö* 'идут с песнями, гармошку возьмут'; *ас'ны'с с'ы'лыны, йö'ктыны, о'рсыны* 'сами поют, танцуют, играют'; *празнуйтисö и час празнуйтыны* 'праздновали и сейчас празднуют', *н'и'а мö'дкод'эма ба'итыны* 'они по-другому говорят'.

В целом, для верхнекамского наречия характерны ассимилятивные явления в области гласных (сравни, *өрö'ш* < *ырöш*, *л'о'мпу* < *л'öмпу*, *карс'а* < *корс'а*, *мо'длун* < *мöдлун*, и др.), в связи с этим появление формы на *-ыны* вполне объяснимо.

Кроме форм на *-ыны* в этих же говорах в речи некоторых информантов нами зафиксированы формы с показателем *-ины*: *тэчины* 'складывают', *вöчины* 'делают', *кы'йины* 'вяжут', *гы'ччас'ины* 'качаются', *вэ'шс'ас'ины* 'обмениваются'. При анализе текстов изначально данные формы мы восприняли за формы прошедшего времени. Однако во всех верхнекамских говорах они образуются посредством суффикса *-исö*. Подтверждением тому служат примеры, в которых формы настоящего и прошедшего времени соседствуют: *Зөр и'засö, тожно' зö'рыс' вö'чины öрö'ш, бра'га. Брага тö'миталисö, вö'чисö, и сы'ön ко'дэдзисö* 'Овёс смелют, затем из овса делают квас, брагу. Брагу томили, делали, и от неё хмелели'. Предположительно, данный вариант появляется после мягких согласных. Хотя переход *ы* в *и* после мягких согласных для верхнекамского наречия в целом не характерен: *тэнс'ыд* 'у тебя', *с'ылыны* 'петь', *л'эччыны* 'спускаться'.

По образованию форм 3-го лица множественного числа в будущем (-асö) и I прошедшем времени (-исö) исследуемый идиом примыкает к коми-пермяцкому диалектному ареалу. Примеры: *пыза'н сайö ну'кс'асö* ‘за стол сядут’; *д'эз кө'рталасö* ‘веревку привяжут’; *коди вэ'рэк сайö му'нисö* ‘некоторые замуж вышли’; *пö'рыс'йöзыс ба'итаисö* ‘старые люди говорили’ и др. В коми-зырянских диалектах отмеченные формы образуют суффиксы -асны // -асни // -асныс // -аныс // -аны в будущем и -исны // -исни // -исныс // -иныс // -ины в прошедшем времени (Попова, Сажина 2014: 209).

Специфика отрицательной парадигмы спряжения глагола заключается в том, что отрицательный глагол 2-го лица множественного числа в языке кировских пермяков имеет *н*-овую форму, как и в коми-зырянских диалектах. В коми-пермяцких диалектах – *од/одö, эд/эдö*. Примеры: *он муно* ‘не пойдете’, *он с'этö* ‘не отдадите’; *эн гижö* ‘не пишите’, *эн с'о'рн'итö* ‘не разговаривайте’, *ти ол'а банка ордад эн воллö сэкöсти* ‘вы к бабке Оле не приходили тогда?’.

Говоря о выражении глагольной персональности в языке кировских пермяков, отдельно следует привести положительную парадигму спряжения глагола *вöлны* ‘быть, иметься, существовать’, употребляющегося только в прошедшем времени:

Таблица 2

Спряжение глагола *вöлны*

	Единственное число	Множественное число
1 лицо	<i>вöлин</i>	<i>вöлинö</i>
2 лицо	<i>вöлин</i>	<i>вöлинö</i>
3 лицо	<i>вöлин</i>	<i>вöлинö</i>

Как видно из таблицы, в верхнекамских говорах наблюдается неразличение форм данного глагола по лицам. В парадигме закрепились формы 2-го лица. Указание на лицо при этих формах осуществляется посредством личных местоимений, в 3-м лице также существительных. Примеры: *мэ и'чöт ышö' вö'лин* ‘я ещё маленькая была’; *мэ эшö томын'ик ны'лочка вö'лин* ‘я ещё молоденькой девушкой была’; *Быданцэвйас вö'линö ми* ‘Быданцевы мы были’; *тэ вö'лин ичэ'т'ик* ‘ты был маленьким?’; *көн ти талын вö'линö?* ‘где вы сегодня были?’; *көн'у'шна вö'лин* ‘конюшня была’; *а'йыс вö'лин кө'н'ухöн* ‘отец был конюхом’; *о'з'эжык эд э'ишöм д'эрэвн'айас вö'линö ы'жыдöс'* ‘раньше ведь деревни такими большими были’. Причина данного явления, вероятно, кроется в природе глагола *вöлны* ‘быть’ – отвлеченного глагола, лишённого вещественного значения и имеющего только грамматическое значение.

Таковы вкратце основные особенности грамматических форм, составляющих категорию лица-числа в языке кировских пермяков.

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. – М., 1975.

Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). – М.: Наука, 1982. – 167 с.

Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г. Среднесысольский диалект коми языка. – М., 1980. – 228 с.

Нечаев Г.А. Нечаев Г. Характеристика зюздинского диалекта коми языка // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. – Сыктывкар, 1930. – Вып. 1. – С. 7–27.

Понарядов В.В. Фрагмент исторической морфологии пермского глагола: категория лица. – Сыктывкар, 2002. – 28 с.

Пономарева Л.Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка : дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2002. – 207 с.

Попова Р.П., Сажина С.А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). – Сыктывкар, 2014. – 272 с.

Сажина С.А. Функционирование языка кировских пермяков в условиях межъязыкового взаимодействия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 3. – Ч. 2. – С. 172–174.

Сажина С.А. Язык кировских пермяков: к проблеме генезиса // Вопросы финно-угорской филологии. – Сыктывкар, 2014(а). – С. 130–136.

Сажина С.А. Консонантизм языка кировских пермяков // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 1. – С. 240–249.

Сажина С.А. Фонетические и морфологические маркеры языка кировских пермяков // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016(а). – № 2 (12). – С. 40–48.

Федосеева Е.Н. Лексические заимствования в словарном составе языка верхнекамских коми // Ашмаринские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2008. – С. 188–192.

Федосеева Е.Н. Лексические особенности языка кировских пермяков // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. – Ижевск, 2008. – С. 338–342.

Федосеева Е.Н. К вопросу о месте верхнекамского наречия в системе коми языков (на материале лексики) // Материалы XXXIX Международной филологической конференции (15–20 марта 2010 г.) Уралистика. – СПб., 2010. – С. 88–93.

Федосеева Е.Н. Общее и частное в лексике верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков. – Ижевск; Будапешт, 2015. – С. 505–511.

Цыпанов Е.А. Грамматические категории глагола в коми языке. – Сыктывкар, 2005. – 284 с.